

АРМЯНСКИЙ СЛЕД

женцев из Азербайджана, переселены в Душанбе и им распределяются квартиры в новостройках массива «Зеравшан», в то время как в столице Таджикистана был острый дефицит жилья. На провокацию откликнулись более четырех тысяч душанбинцев, собравшихся на площади Ленина (Шахидон) с выкриками «Долой армян!». А на следующий день, 13 февраля, демонстранты прорвались в здание правительства Таджикской ССР и подожгли его. К вечеру в ответ на открытие огня милицией холостыми патронами начались поджоги ларьков, погромы магазинов, а выкрики сменились требованием «Долой Махкамова!» (первый секретарь ЦК КП Таджикистана). В этот же день в Душанбе было объявлено чрезвычайное положение. Те несколько армянских семей, что прибыли в Душанбе, заявили, что не хотят стать причиной бед таджикского народа, и покинули республику. Однако громил уже ничего не останавливало. Для наведения порядка в город пришлось перебросить около 5000 военнослужащих Минобороны и МВД с приказом открывать огонь на поражение, был введен комендантский час. В результате беспорядков было убито 25 и ранено 565 человек.

Эту черную страницу в истории таджикского народа в стране пытаются не вспоминать. Слишком много тайн и загадок, о чем таджики могут только предполагать.

— В те годы я еще не родился, но в универе слышал от преподавателей об этих событиях, — рассказывает выпускник Таджикского национального университета Некруз Рахимов. — Они уверены, что организаторами антиармянских погромов в Душанбе были азербайджанцы. Но подробности у нас замалчивают.

Касаемо молчания молодой человек прав. В Душанбе я, как ни пытался поднять тему событий 90-го года с интеллигенцией, все уходило от ответа. Рекомендовали не ворошить прошлое. Но один из ветеранов-силовиков, пожелавший остаться неизвестным, рассказал, что в конце 80-х работал в команде Владимира Петкеля, возглавлявшего до 1991 года КГБ Таджикской ССР. Знал многих силовиков лично и не раз бывал в командировках с делегацией под руководством Петкеля, который имел среди сотоварищей кличку «Ворон».

— Однозначно могу сказать, что «Ворон» был на дружественной ноге с его азербайджанским коллегой Вагифом Гусейновым, — говорит ветеран. — Тот прилетал в Душанбе, «Ворон» делал ответные визиты. Дружили они семьями. И когда у нас в Таджикистане случились беспорядки, многие из нас догадывались, откуда их корни. Конечно же, у меня нет доказательств, что антиармянский душанбинский «фас» исходил от Гусейнова. Однако учитывая связи этого «Гуся» (Гусейнова — прим. авт.) с нашим «Вороном» и ненависть последнего к

Парк в Душанбе

— Откуда вы все это знаете? — удивленно спросил я у старика.

Ветеран-силовик широко улыбнулся и, не задумываясь, ответил:

— Работа у меня была такая — знать все обо всех и, тем более, о коллегах.

— Получается, и ваши коллеги знали о вас все?

— Не исключено, — продолжая широко улыбаться, ответил старый разведчик.

Журналистский опыт научил меня думать и слушать одновременно. И пока я слушал этого экс-резидента КГБ, в моей голове невольно промелькнула мысль о моем несчастном народе, который стал в очередной раз жертвой чьих-то политических интриг, не взирая ни на что — ни на самопожертвования во благо той страны, где живет армянин, ни на чрезмерную лояльность к любой власти. А говорят «евреи виноваты». Видимо, не всегда. Бывают и «виноватые армяне».

ГЕРОИЧЕСКАЯ ДИАСПОРА

Впрочем, если перевернуть все «черные страницы» истории Таджикистана и больше не возвращаться к ним, то народ таджикский близок и понятен нам. Ираноязычный мир — он особенный, душевный, прошедший лед и пламя на своем долгом историческом пути. В Душанбе я поговорил с представителями как армянской, так и таджикской интеллигенции. Слушая обе стороны, я понял, что в некотором смысле и проблемы у нас общие. Например, вот что поведал мне профессор, доцент кафедры мировой литературы РТСУ Азим Аминов:

ви) и этот город нынче на территории независимого Азербайджана, то и приписывают ему прилагательное «азербайджанский» писатель. Но ведь самого Азербайджана как такового во времена Низами не было. Мы, таджики и персы, читаем в оригинале Низами. Тогда как азербайджанцы знают о Низами только в переводах на тюркские языки.

С представителями армянской диаспоры Таджикистана

Не на Памире, но под стягом таджикским

С Аминовым согласен и другой представитель таджикской интеллигенции, кандидат исторических наук Камол Абдуллаев. С ним мы поговорили о влиянии иранских языков на соседей. Беседа длилась настолько долго и интересно, что в двух словах разговор не описать. Поэтому на канале YouTube-Антипопор имеется полный сюжет беседы. Там же можно познакомиться с замечательными нашими соотечественниками: почетным консулом Армении в Республике Таджикистан Смбагом Оганесяном, сопровождавшим меня в Душанбе, экономистом Рубеном Аскарковым, предпринимателем Юрием Акоюном и председателем Союза соотечественников Михаилом Петрушковым. Думаю, для постоянных зрителей Антипопор «Армянский след» будет интересно.

Кстати, прогуливаясь с Смбагом Оганесяном по городу, решили мы навестить и могилки ушедших армян Таджикистана. Они похоронены на христианском кладбище рядом со старенькой русской церковью. Армянского храма в Таджикистане нет. В Советские годы религией не занимались, а после обретения Таджикистаном независимости построить церковь дело сложное в связи с бюрократическими проволочками. Что касается могил, то здесь захоронены все социальные слои армянского

общества Таджикистана — от врачей, педагогов и инженеров до хлопкоробов и рабочих. Некоторым надгробиям больше полвека. На них не сохранилось ни имен, ни дат. К примеру, мне долго пришлось искать могилу Вагаршака Карамова, но, к сожалению, так и не нашел. И не удивительно! Он скончался в 1956 году, 66 лет назад. Зато в память об этом человеке носит имя одна из крупнейших центральных магистралей Душанбе — «улица Карамова». И неспроста. Транспортная артерия, соединившая Таджикистан с внешним миром, тесно связана с именем Вагаршака Карамова. В первой половине XX в. Таджикистан считался труднодоступной периферией даже в отношении своих центральноазиатских соседей. Нужно было выводить республику из захолустья и первым делом проложить в Таджикистане железную дорогу. Столь ответственное дело было поручено инженеру-горняку Карамову. В 1925 году он был назначен начальником строительства железной дороги, которая должна была связать узбекский портовый город Термез на реке Амударье с Душабе. Но по большому счету эта магистраль должна была соединить таджикскую республику со всеми среднеазиатскими республиками и далекой Россией. Молодой начальник с энтузиазмом включился в порученное дело. Железная дорога Термез—Душанбе была проложена в срок. Принимавшая ее

комиссия не обнаружила в выполненных работах ни одного изъяна. Строителям наградили, а труд самого Карамова отметили... арестом. Он был обвинен в связях с туркменскими националистами и приговорен к восьми годам лишения свободы. Но судьба оказалась благосклонной. Вместо восьми лет Вагаршак провел в тюрьме чуть менее года. Осужденный Карамов проявил свой талант и в тюрьме, вернее, в «Севлаге», где отбывал наказание. Вместе со своей бригадой Карамов умудрился установить артериальную связь в условиях Севера, соединив Кольский п-ов с Мурманском за полгода с помощью... мотора. Когда об этом доложили Сталину, он не поверил и послал комиссию для проверки. Оказалось, правда. «Кто придумал отдавать землю самолетным мотором?», — спросил Сталин. Ему ответили — заключенный Карамов. «Таких людей надо не в заключении держать, а поручать им сложные дела, — сказал вождь. — Направить его на самый трудный участок советского строительства. Пусть покажет, на что способен».

Карамова освободили из-под стражи и нашли ему такой сложный участок. На этот раз предстояло пробить в скалах на большой высоте дорогу на Памир длиной в 540 км. Там издавна не было никаких дорог. Грузы доставлялись караванами лошадей, и то в короткое летнее время. Путь в один конец занимал три месяца. С приходом Советской власти сложную трассу освоила авиация. Но летали самолеты редко, мешали туманы, частая непогода. Лететь приходилось в узких ущельях, между скалами, сильные порывы ветра бросали самолеты из стороны в сторону. Достаточно было задеть крылом каменную стену, и катастрофа была неминуемой. Новая дорога нужна была как воздух, это была истинная «трасса жизни». И ее проложил Карамов в вверенные ему сроки...

Такова она, диаспора армянская, в Таджикистане — молодая, но героическая, прошедшая трудный путь в сложном регионе. И теперь, отправляясь из Таджикистана в очередную страну, я в самом прямом смысле воспользуюсь той дорогой, что проложил армянин, чтобы я смог двинуться дальше «по следам армянским».

Вадим АРУТЮНОВ
Душанбе, Таджикистан

Улица Карамова в Душанбе

Махкамову, ответственные за события 90-го года четко прорисовываются.

— Ненависть к Махкамову? — спросил я. — Из-за чего?

— Махкамов и «Ворон» заняли должности в один и тот же год, 1985-й, — рассказывает ветеран. — Место первого секретаря ЦК Компартии Таджикистана изначально должен был занять свяж «Ворона». Имя сейчас его не припомню. То ли Геннадий, то ли Григорий... В верхах уже было все готово. Но внезапная смерть генсека Черненко перетасовала планы. В марте 85-го страну возглавил Горбачев, а он, в свою очередь, стал выдвигать свои кадры. Так Махкамов принял республику. С тех пор «Ворон» на дух не выносил его.

— Многим молодым народам постсоветского пространства хочется впечатляющей истории, как минимум, как у соседа. А то и глубже. Но что делать, когда «нехватка кадров»? Исторических кадров, из которых можно лепить это самое «впечатляющее». Приходится хвататься за любую ниточку. К примеру, если «исторический герой» тунгус писал на тунгусском языке, живя на территории, где тунгусы сегодня уже давно не проживают, но на этом месте, условно говоря, Манчжурия, то современные манчжуры провозглашают тунгуса манчжуром. То же произошло и с Низами. Всем известно, что он был персидским поэтом. Писал на персидском. Род его ираноязычный. Но так как Низами из Гянджи (Гяндже-